

Вкус бытия?

Ю.В. Шичанина, Ростов-на-Дону

<http://sites.google.com/site/inomernost/home...>

Бытие в философии, как правило, рассматривается как философская абстракция или понятие, указывающее на фундаментальные основания, выявляемые с точки зрения всеобщего, основания единства всего сущего. Данное понятие тесно связано с метафизикой и, так или иначе, апеллирует к чистому, чаще всего трансцендентальному мышлению. А поскольку метафизика и трансцендентальное мышление в свою очередь рассматривают сверхчувственные принципы и начала бытия, связывают понятие бытия с понятием субстанции, обращение к проблеме вкуса бытия выглядит неожиданным, выпадающим из логики различения сопоставимого и несопоставимого, в данном случае абстрактно всеобщего и чувственно-единичного. Вкус ощущается, возникает на основе чувственного восприятия, а потому относится к сфере сущего, а не бытия. Бытие же бесформенно и беспредельно, лишено фундаментальной привязки к пяти органам чувств, невыразимо, а потому ощущать его вкус невозможно.

Однако устойчивое словосочетание «вкус бытия» характерно не только для беллетристики, заголовков мистико-религиозной литературы, текстов трансперсональной, интегральной психологии, но и некоторых текстов «учебников» философии, когда речь идет о проблеме бытия. Начинаясь с историко-философских реконструкций проблемы, рассмотрение почти всегда переходит от абстрактно-всеобщих констатаций наличия единой материальной или духовной природы к человеческому ощущению бытия – к попытке передать вкус бытия в слове, в том числе выразить апофатическими описаниями, с использованием красочных метафор. Соответственно имеет смысл исследовать «вкус бытия», выявить условия его возможности и содержание в контексте современных онтологических воззрений и культурных практик современности. Очевидно, что категория вкуса должна быть при этом рассмотрена не только как эстетическая, но и как антропологическая.

Представленный в исследовательской литературе как феномен вкус, как правило, выступает результатом культурного программирования потребностей, маркером класса и т.д. Он формируется и реализуется путем приобщения и ориентации на предлагаемые культурой образцы, ценности, нормы. Опираясь на человеческую способность чувствовать удовольствие, различать и оценивать, проявлять избирательность на основе определенных предпочтений, вкус может быть представлен как результат обращений человека к ценностной шкале в горизонте удовольствия. Вкус обретается в результате определенного слияния субъекта и объекта, вкушающего и вкушаемого, в результате дегустации и отведывания. Например, когда поглощается пища (мир), человек и мир в определенной степени сливаются, а затем человек обретает над миром своеобразную власть и дистанцию посредством вкуса. Вкус нередко позиционируется в гуманитарной литературе как нечто среднее между чувствами (ощущениями) и разумом, своеобразное виртуальное переживание качества.

Существенно, что вкус связан со способностью человека задавать определенную пропорцию, меру, в результате чего получается нечто целостное (например, произведение искусства, имидж, образ), нечто гармонизирующее человека с миром. Классики античности определяли удовольствие в неразрывной связи с найденной к благу мерой. Вкус, тем самым, оказывался не просто ощущением, а удовольствием на основе меры. Мера, знание и применение этой самой меры всегда некоторым образом тотализирует человека, передает ему качество системы референции, целого.

Принимая во внимание философское разделение бытия и сущего, можно предположить, что вкус сущего имеет место и реализуется в горизонтальной плоскости, а вкус бытия – возможен как результат выстраивания метафизической вертикали. И если вкус сущего можно ощутить, продегустировать непосредственно, то вопрос «Как мы можем испытать присутствие бытия, ощутить его вкус?» имеет различные варианты ответа. В современной культуре существуют различные технологии обретения вкуса

бытия, различные антропологические стратегии.

Первая связана с дегустацией бытия внутри сущего, с культурными практиками пересечения границы сущего методами этого самого сущего, путем его предельной реализации. Человек находит следы бытия, в том числе и те, которые можно нащупать путем выхода за грани материального детерминизма и социальных кодов.

В горизонте сущего «воля к вкусу» реализуется количественным превышением меры. Для органов чувств принципиальное значение имеет мера интенсивности удовольствия, за которой оно перестает переживаться как удовольствие, превращается в неудовольствие или даже страдание. Экстремальные моменты дегустации сущего, существование на грани удовольствия и страдания оживляет экзистенциальные рецепторы, порождает некое новое ощущение жизни. Стратегия погони за ощущениями, жизнь в риске и на пределе возможностей организма может на обыденном уровне быть приравнена к дегустации «вкуса бытия». Вкус бытия в этом случае – это вкус жизни, который ощущается в моменты наивысшего удовольствия или страдания, «экстрима» как переживания полноты жизни.

Обратным примером этой же самой стратегии может быть стремление «жить со вкусом», «жить во вкусе», понимаемое как комфортное потребление качественных вещей в соответствии с собственным представлением гармонии и самого себя. Разнообразные качественные вещи порождают удовольствие количественно, непрерывно потребляясь во времени для удовольствия. Вкус в этой ситуации обретается в «междумирье» крайностей, в «эстетствовании» и ублажении вкусовых рецепторов. В идеале здесь имеет место воля к «тонкому вкусу», индивидуально развитому вкусу гурмана жизни. Однако для нас важно подчеркнуть, что возникновение вкуса бытия как вкуса жизни возможно, по крайней мере в западном варианте, без трансценденции за пределы сущего, в горизонте культуры.

Вторая и третья стратегии реализации «воли к вкусу» имеют много общего и условно могут быть названы мистико-психологической (включая

окультурно-эзотерические практики, практики трансперсональной, интегральной и т.д. психологий) и философской стратегиями.

Вторая, мистико-психологическая стратегия предполагает, что вкус бытия – это результат отведывания подлинной реальности, реальности, как правило связанной со сферой холического мышления, интегрального видения, космического сознания, Единого. При всех существующих различиях школ и направлений, в целом здесь соблюдается прагматический подход психолога У. Джемса, согласно которому вопрос о метафизической и номиналистической природе феноменов сознания не столь принципиален, если известно, что эти феномена благотворно влияют на человека. Другими словами, не важно, чем являются феномены сознания по ту сторону человеческого восприятия, главное, что мы знаем – они реальны и доступны по эту сторону.

Как испытать вкус бытия? Заставить работать «чувствилище» иных измерений. В дополнение к способности воображения, которое способно конструировать самые невероятные сюжеты из ограниченного материала физической реальности, включить парадоксальное мышление, способное работать в режиме быстрой смены ситуаций, постоянного противоречия между всеми ролями личности и социальными ансамблями. Необходимо увеличить территорию сознания и мистического опыта, развивать свой психический аппарат, умножая количество осознанно воспринимаемых измерений пространства.

На фоне широко предлагаемых практик психологической трансценденции, перепрограммирования и трансформации путем НЛП, погружений в тело, бессознательное, управления снами и т.д. выделяются школы, культивирующие трансперсональные, холические переживания по «восходящей» линии. Бытие в данном случае обретает вкус в переживании единства с миром как высшим сознанием, которое и есть Один Вкус.

Логика этой дегустации такова: Я переживаю тело, но я не это тело. Не я в теле, а тело во мне. Будь сознанием! Я переживаю мир, но я не есть этот мир. Не я в мире, а мир во мне. Будь сознанием! Я свидетельствую этот мир как

безмолвное зеркало, мы неразличимы, мы сознание, Единое! Бытие есть.

В итоге, погружаясь в себя как в мир, человек находит (открывает для себя) такой модус сознания, в котором все постигается с точки зрения Единого духовного абсолюта. Человек смотрит на мир словно «извне», как на отражающийся в его собственной духовной природе спектакль, театр зеркального отражения. При этом человек уже не статист материальной иллюзии, а автор и режиссер космической Игры, он сам Безмолвный свидетель, свидетельствующий порожденную им же Лилу, и его самого в этот момент уже нет, ибо есть Все. Такой вывод можно сделать, например, в результате прочтения текстов С. Грофа, К. Уилбера и др. При этом бытие (Единое, Сознание и т.д.) переживается непосредственно, духовно-психологическая практика открывает бытие внутри сущего, но такого сущего, которое сознательно трансцендирует к бытийному модусу сознания. Этот экстаз персонального сознания открывает лишённое всех обыденных атрибутов ощущение того, что «все есть». Переживание полноты бытия есть свидетельствование мира, психологическое удостоверение абсолютного «есть».

Примечательно, что мистические состояния пребывания в Одном Вкусе, с одной стороны описываются в крайне эмоциональной форме, подобно высшим эротическим ощущениям, или детским переживаниям жуты и восторга, наивысшей радости, захватывающему ощущению скорости. Бытие непосредственно дает себя почувствовать на вкус. С другой стороны, например, К. Уилбер и другие современные мистики отмечают, что Один Вкус столь же захватывающий, яркий, тонкий и неповторимый, сколь и банальный. «Один вкус столь жалко очевиден и прост». В работе «Один Вкус» Уилбер неоднократно подчеркивает, что несмотря на существующие интерпретации, согласно которым субъективно Один Вкус подобен переживанию скуки, зевка перед лицом мира, или наоборот - представление Одного Вкуса в тональности невыразимой веселости и легкости, Один Вкус – это переживание того, что все просто есть и ничего более. Иначе говоря, быть во вкусе бытия – это просто быть вне времени и пространства, когда нет никакого центра вокруг которого

организуется восприятие, субъект и объект слиты в ощущении Таковости. «Есть просто это и так было всегда». «Более того, Один Вкус – это абсолютная простота. Мистические переживания в тонкой и каузальной сфере часто сопровождаются чувствами грандиозности, испуганного благоговения, сверхъестественного потрясения, света, блаженства и счастья, благодарности и слез радости. Но не при переживании Одного Вкуса, которое чрезвычайно обычно и абсолютно просто: просто это». Мистик, используя техники медитации, открывает в себе возможность переживания вкуса бытия, равную духовному видению творца, недвойственному переживанию и субъективному удостоверению полноты бытия. Такое видение невозможно поддерживать непрерывно, вкус бытия ощущается проблесками и зависит от духовного развития и опыта практикующего.

Третья стратегия реализации воли к вкусу бытия – философская. Это стратегия чистого трансцендентального разума, но воплощенного в смертном человеческом теле, внутри его конечного существования. Это некое интеллектуальное усилие и особый модус сознания, чувство бездомности, метафизически перерастающее в ностальгию по тому, чего в рамках конечного существования нет, но при этом человек способен стать чувствующим телепортом трансляции его отсутствия. Самое объективное здесь оказывается связанным с самым субъективным – трансцендентальное мышление, философское созерцание получают эмоционально-чувственную окраску, присутствие облекается в тайну.

Как понятие бытие принципиально апофатично, ибо конечный человеческий разум не способен адекватно мыслить и передавать бесконечное в позитивных определениях. К бесформенному, беспредельному, бескачественному, непостижимому и т.д. абсолюту не применимы предикаты сущего. Вместе с тем, как вкус – оно невыразимый позитив. Иначе говоря, последовательность философских рассуждений о том, что же есть бытие в собственно человеческом его понимании, в горизонте человеческого размышления о нем, приводит нас к представлению о переживании некой

непостижимой силы, чувства и эмоции, выступающих результатом философского созерцания. Бытие превращается в мирочувствование, которое уже выглядит не только метафизической абстракцией, но и обладает неким экзистенциальным качеством, спецификой проживания, состоянием и следствием самой философской установки, в конечном итоге имеет вкус. Отсюда эмоционально-чувственный способ говорения о бытии, попытка выразить невыразимое, говорить о непостижимом, высловить глубинную интуицию бытия. О вкусе бытия можно говорить как о некоем пограничном когнитивном феномене, результате постижения человеком единства всего сущего как условия его существования, реализации возможности быть представленным.

Как и в случае мистико-психологической стратегии, переживание онтологического вкуса близко к религиозному чувству. Это вкус целостности и в то же время - вкус отсутствия бытия в мире данностей, ностальгия по целому. Если бытие это несокрытость и тайна, к которой можно приобщиться, преодолевая отчуждение мира сущего, то вкус бытия – это переживание особого рода удовольствия от осознанного удостоверения существования мира, в котором утопия человека обретает собственное место. Бытие возникает как иное измерение нашего опыта – насыщенное молчание, пребывание «в тайне», в состоянии «открытости бытию» (Хайдеггер). Пребывание во вкусе сопоставимо здесь с музыкальной импровизацией, когда гамма звуков спонтанна и разнообразна, но гармонический строй все еще существует. Космос не распадается. Он танцует, ритмично колеблется, причудливо, но гармонично. Вкус бытия – это редкое переживание гармонии. Человек в резонансе с бытием, когда вибрации микрокосмоса и макрокосмоса совпадают. Человек – это медиатор вкуса бытия. Он во вкусе, когда вкус в нем, когда из «дыры в бытии» сознание превращается в совершенную, исполненную смысла сферу. Из трагического страдальца бытия, человек превращается в возлюбленное чадо и чувствилище Абсолюта. Несчастное разорванное самосознание умиротворяется.

Однако в отличие от мистика, философ не останавливается на позитивном субъективном переживании «вкуса бытия», он бытийствует не только в особом модусе сознания, но и испытывает необходимость выразить это в слове. Чувствилице философа – это воплощенный разум и чистое трансцендентальное мышление. Бытие – это не только нейтральный признак Всего, чистого существования, но и особый способ разговора (говорения) о нем. Вкус бытия – это пропорция наблюдаемого и ненаблюдаемого, видимого и невидимого, отраженная в тексте. Для философа вкус бытия – это вкус тайны, ожидающей своего видения, понимания, семиотической трансляции. Философское размышление как особое измененное состояние сознания открывает нам вкус бытия именно в онто-логическом его варианте, ведь философская мысль старается мыслить целое, не сливаясь в мистическом экстазе с предметом своей рефлексии.

Проблема теоретико-методологического характера возникает дважды: в первый раз, когда мы пытаемся помыслить немислимое, а второй раз – когда выразить это помысленное в языке. Но выразить немислимое и невыразимое адекватно невозможно, нужно, что бы мышление изменило свой модус до масштабов Вселенной, соотнеслось с системой референции, в котором сущее представимо как целое и единое, мыслимо как бытие. Если часть нельзя познать без целого, человеку нужна система отсчета на шкале, превышающей масштаб его индивидуального и коллективного существования. Для философской дегустации бытия человеку нужна мера несравнимо большая, нежели он сам.

Сосредоточение онтологического вкуса – это точка крепления оси маятника внутри доступного мира сущего, такая точка, которая одновременно существует на шкале неизмеримо большего масштаба. Онтологическое мышление нуждается в системе референции, которую можно без преувеличения назвать точкой зрения вечности. Все практики антропотрансценденции базируются на возможности иного осознания, ощущении присутствия себя на иной, нежели привычная 3-х мерная шкала этого мира. Примечательно, что «точка зрения Бога» - это «внешнее» (извне) философское умозрение,

открывающееся с какой-то невероятной точки внутреннего опыта. Что бы почувствовать интеллигибельный вкус бытия, философское мышление пытается преодолеть метафизическую вертикаль, соединить ее с горизонталью, придать этой когнитивной модели динамику и перевести на универсальный уровень, воплотить в семиотическое intersubjective пространство. Философский вкус бытия появляется в результате решения двойной задачи: распознавания, обретения и удержание состояния сознания «в вечности», а затем передачи этого всего в слове. Вкус бытия для философа – это открытие сущности мира в слове, точное попадание в слово, вербальная онтология. Это задача найти словоформу, которая если не отражает, то хотя бы символизирует бытие как таковое.

Вкус бытия – это состояние сознания, переживание, которое нельзя передать словами и усвоить в виде теоретического тезиса. Но его можно развить, воссоздать в своем собственном опыте, идя по пути философствования - размышления над неразрешимыми в принципе проблемами онтологии.

Вкус бытия – это ощущение истории и полноты жизни. Чтобы почувствовать его нужно найти собственную меру, испытать на себе гармонию. Это не только пробуждение от тотальности сущего, но и результат сознательного творчества, воплощения в новой системе координат. На каждом уровне в горизонтали формируется характер предпочтений, из мира фактов осуществляется выбор. Чтобы почувствовать вкус запредельного по охвату, интенсивности и глубине – вкус бытия, онтологическое мышление должно создавать метафизическую основу, ценностную иерархию сущего. Внутри всей холархии человек-философ вынужден масштабировать сущее в универсалиях. Из хаоса ощущений и семиотических реальностей онтологическое мышление должно сотворить космос и логос.

Как нам представляется, вкус бытия задает не столько структуру, сколько меру, масштаб человеческого осознания. Философ воспринимает бытие не просто под тем или иным углом зрения, с определенной точки пространственно-временного континуума, а как бы «извне» ограниченного

существования, с его предельной точки. Онтологическое мышление «во вкусе» должно объединить чувство и разум, быть ориентировано на особое состояние сознания, которое можно охарактеризовать как содержательную или интеллектуальную интуицию, хотя ни та, ни другая сообразно логической правде не существует. Бытийное философское мышление – это рефлексивное извлечение себя из себя, результат рационального (сверхрационального) проявления внутри сущего измерения более высокого порядка. Оно неразрывно связано с идеей собирания себя заново, открытия целого посредством проявления себя на иной шкале, в Ином. Бытие, в данном случае характеризуется полнотой ощущения человека с развитым вкусом к интегральному самостановлению.

С точки зрения философской онтологии вкус бытия – это вкус сущности, универсалии. Принимая во внимание субъекта - человека-философа – это развитый вкус человека, живущего в иной, нежели 3-х мерное сущее, системе координат. Человека, живущего как будто он бессмертный, трансцендентальный разум, размещенный в сердцевине конечного сущего, в смертном индивидуальном теле. Это существование в особом «бодрствующем» режиме сознания, в ситуации переживания философской проблемы, противоречия, в крайнем напряжении человеческих сил. Размышляя над проблемами онтологии, философ находится в междумирье измерений универсума – одновременно в трехмерном и многомерном, включающем высшие измерения духовной реальности континууме. Он сознательно обрекает себя на пребывание в состоянии осененности бытием как центральной категорией онтологии.

Однако философ, как и мистик не может постоянно пребывать во вкусе. Вкус бытия нельзя ощущать непрерывно не только потому, что непрерывное умственное сосредоточение не гарантирует столь же непрерывное удержание модуса философского мышления, точки зрения вечности, но и потому, что вкус диалектически постигается через Иное – через иные модусы сознания, обыденного, телесного и т.д.

В горизонте культуры есть множество возможностей смены философской

оптики. В том числе и философское восприятие чужих картин мира, других онтологий. Восприятие, которое возникает при чтении чужого философского текста, погружении в слово, выступающее результатом попытки мыслить немислимое, находится одновременно в разных картинах мира и семиотических реальностях. Вкус бытия для философа – это вкус самого онтологического размышления, вкус вопрошания. Онтологический вопрос переводит вкус из простейших витальных реакций раздражения вкусовых рецепторов в тончайшие ментальные структуры, в философскую категорию.

Человек философствующий способен не просто приспособливаться к среде и видоизменять ее, он способен мыслить эту среду с позиции целого, творить картины мира, онтологизировать сущее. В этот момент философ – это камертон, мера бытия, ибо он звучит, озвучивает бытие в слове, транслируя его безмолвие, бесформенность и беспредельность в человеческом диапазоне восприятия. Возможно это и есть выраженное в слове состояние благоговейного «ученого незнания» (Н. Кузанский) пред лицом тайны Всего. П.Д. Успенский, например, считал, что вкус бытия, возможность мыслить немислимое открывается человеку, когда он пытается жить по меркам Иного, Сверхчеловеческого, Всего.

К сожалению, нельзя описать адекватно вкус бытия, потому что он рождается из глубины рационального самоосознания, но совершенно на другой шкале отсчета, в ином универсуме, следы которого только и доступны в эмпирии обыденной жизни. Изменяя онтологический масштаб собственного сознания, человек получает нечто качественное новое в свое распоряжение – расширенное восприятие многомерного универсума, сущее приобретает масштаб бытия. В этот момент философ способен одновременно пребывать во времени и вечности, во всех шести измерениях пространства. На путях «чувствующей рефлексии» философ пытается пережить то, что невозможно пережить в материальной действительности, из утопического места в бытии узреть и услышать само это бытие. Однако выраженный в слове результат пребывания в онтологическом вкусе столь же прост, как и результат

мистического его переживания – «все во всем», «бытие есть, а небытия – нет».

<http://sites.google.com/site/inomernost/home...>